

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

© 2016 г. А. А. Мацевич

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 05 июля 2016 г.

Аннотация: В предлагаемой статье рассматриваются особенности процесса становления национальной самоидентификации в культуре и литературе трех основных стран Скандинавского региона — Дании, Норвегии и Швеции. Многовековая — с начала первого тысячелетия н.э. — тесная взаимосвязь и близкие взаимоотношения, обусловленные географическим положением и языковым родством, способствовали относительно параллельному общенациональному — политическому, общественному и культурному — развитию этих стран, несмотря на сложности и различия, противоречия и конфликты, в том числе и военные, на территориальные претензии, а также на борьбу, особенно Дании, за главенство над всем Балтийским регионом, в частности неудавшуюся попытку Дании создать единое общескандинавское государство под эгидой Дании. Проблема национальной самоидентификации особенно остро и настойчиво заявила о себе на рубеже XIX–XX вв., в пору интенсивной индустриализации и урбанизации, усиления внациональных, космополитических тенденций, грозящих разрушить исконные, вековые культурные традиции и духовные ценности каждой из этих стран. Усиливается стремление возродить и сохранить исторические памятники культуры и литературы, обращение к национальной истории, в особенности к сохранившимся в деревне, в противоположность безликому городу, крестьянским традициям и обычаям, национальной фольклору.

Ключевые слова: Скандинавия, национальная самоидентификация, памятники культуры, памятники литературы, крестьянские традиции.

Информация об авторе: Альфред Александрович Мацевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: alfmacewicz@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF NATIONAL SELF-IDENTIFICATION IN SCANDINAVIAN CULTURE AND LITERATURE

Alfred A. Matsevitch

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: July 05, 2016

Abstract: The article examines the development of national self-identification in the three main countries of the Scandinavian region — Denmark, Norway, and Sweden. All the three countries have been interconnected for centuries, at least since the first millennium due to their geographical proximity and linguistic affinities, and this fact fostered their parallel historical, political, and cultural development in spite of their differences, contradictions, and conflicts, including military conflicts and territorial claims (as for example, Denmark's failed attempt to dominate the Baltic region and to found a united Scandinavian state under Danish supremacy). The problem of self-identification in Scandinavian countries strongly manifested itself at the turn of the 19th and 20th centuries characterized by intensive industrial growth, urbanization, and the increase of cosmopolitan, global tendencies threatening to destroy cultural traditions and welfare of these countries. As a result, there sprang a tendency to preserve and resurrect historical, cultural, and literary monuments, to turn to national history and especially to peasant traditions, customs, and national folklore as opposed to new urban values.

Keywords: Scandinavia, national self-identification, cultural monuments, literary monuments, peasant traditions.

Information about the author: Alfred A. Matsevitch, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: alfmacewicz@mail.ru

Проблема национальной идентичности в трех основных родственных скандинавских государствах на протяжении веков поднималась неоднократно. Особенно настойчиво и остро она заявила о себе на рубеже XIX–XX вв., в пору интенсивной индустриализации и связанных с этим проникновением чуждых вненациональных, космополитических тенденций, грозящих разрушить прежние вековые культурные традиции и духовные ценности.

На переломе I и II тысячелетий н.э., около 1000 г., после заката эпохи походов викингов начинают складываться основы трех основных народностей и государств скандинавской ветви древнегерманского этноса — Дании, Норвегии и Швеции. На протяжении многих столетий вплоть до нашего времени между ними сохранялась тесная географическая, этническая и языковая близость. Этим объясняется их известное относительно параллельное развитие — го-

сударственное, политическое, экономическое, религиозное и культурное. Почти одновременно в них происходила христианизация, а в эпоху Реформации католическую церковь сменило лютеранство. Их связи, взаимодействия, взаимовлияния были гораздо более тесными, чем со странами континентальной Европы. В XII–XIII вв., в пору раннего скандинавского Средневековья, происходят важнейшие изменения в языке, письменности и духовной культуре Скандинавии. Не утрачивая племенного и языкового родства, каждая из скандинавских народностей создавала свою территориальную и политическую обособленность — зачатки национальной идентичности. В XI в. собственным языком стали пользоваться норвежцы, в XIII в. — датчане и шведы, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи. Сопоставление исторического развития трех основных скандинавских государств выявляет национальные особенности каждого из них. Их эволюционный параллелизм имел свои границы, обусловленные внутренними особенностями и различиями, противоречиями между ними, приводившими порой и к серьезным межнациональным и межгосударственным конфликтам. Важнейшие из них — многовековое владычество Дании над Норвегией, основательно затормозившее государственное, экономическое, политическое и культурное развитие северного соседа, и неоднократные датско-шведские войны XVII в. за главенство над Балтикой. Немаловажную роль играли и географическое положение и природные условия каждой из стран. Своеобразная суровая северная природа Норвегии, живописный ландшафт: горы, море, леса — во многом обусловили не только материальные условия жизни ее обитателей, но и сформировали их душевный строй, психологический облик и в конечном счете оказали влияние на культурные и литературные особенности страны.

Самая южная и наиболее близкая к Европе Дания, имея общую границу с Германией, раньше и сильнее своих соседей воспринимала импульсы из европейских стран, и к рубежу XIX–XX столетий Копенгаген превратился в своего рода культурного посредника между континентальной Европой и своими скандинавскими соседями. Этим объясняется и больший интерес датчан к практической, экономической стороне жизни. Большая изолированность Швеции обуславливает ее некоторое историческое отставание и меньшую зависимость от южных соседей. Зато Швеция, одна из крупнейших по площади стран Европы, благодаря размерам своей территории отличается огромным природным и историческим многообразием в том, что касается различий между ее провинциями. Тем не менее, вопреки всем неизбежным расхождениям и конфликтам, в глубине народного сознания сохранялось подспудное,

уходящее в глубину веков чувство древнескандинавской общности и единства.

Острее всего проблема национальной идентичности стояла перед Норвегией, чья историческая судьба складывалась наиболее драматично и где были утрачены не только национально-государственная независимость, но даже язык. В XII–XIII вв. существовала тесная связь между Норвегией и заселявшейся ею Исландией; которые по существу обладали общими языком, литературой и культурой, позволившими впоследствии запечатлеть и сохранить уникальные древние словесные памятники: «Эдду», скальдическую поэзию и родовые саги.

В XIV в. Норвегия утрачивает свою независимость и подпадает под многовековую зависимость от Дании: в 1397 г. она становится членом Кальмарской унии трех скандинавских государств под властью Датского королевства, с 1450 г. находится в вечной унии с Данией и, наконец, в 1537 г. превращается в датскую провинцию. С конца XIV в. под влиянием общего упадка страны и подчинения ее датчанам норвежский язык постепенно вытесняется из обихода образованных слоев населения — дворян и горожан — датским. В XV–XVI вв. Норвегия фактически не имела собственной литературы. К 1600 г. датская письменность одержала верх во всей стране, и старонорвежский язык окончательно устарел. С этого времени можно говорить о единой датско-норвежской культуре. К XVIII в., когда Копенгаген становится центром общей культурной жизни, выдвинулся первый скандинавский писатель Нового времени, завоевавший общеевропейскую известность — философ, историк, драматург-сатирик Людвиг Хольберг (1684–1754), прозванный «датским Мольером». Уроженец норвежского города Бергена, он стоял у истоков датского и норвежского Просвещения и оказал огромное влияние на всю скандинавскую литературу и общественную мысль. Фигура Хольберга свидетельствовала об участии норвежцев в культурной жизни Дании, о растущей культурной роли Норвегии в составе Датского государства, и в конечном счете о единстве датско-норвежской культуры этого периода. На фоне растущего экономического подъема и политических перемен, особенно во второй половине XVIII в., сопровождавшихся расцветом скандинавской словесности, когда вполне сложились современные литературные языки Дании и Швеции, растет стремление норвежцев к автономии в области духовной жизни, постепенно перерастающее в движение за государственную, национальную и культурную самостоятельность.

После наполеоновских войн, в которых Дания участвовала на стороне Франции, в 1814 г. многовековой период датского господства для Норвегии завершился, тесные культурные связи с Данией

ослабли. Однако по одному из Кильских мирных договоров была образована уния Норвегии со Швецией. Перед нацией встали новые насущные задачи: вырваться из государственной и культурной зависимости, создать культурное государство из бедной провинции с населением, едва достигавшим одного миллиона жителей, обрести себя заново в языковом и культурном отношении, освободиться от наслоений чужой культуры, усиленно насаждавшей в течение четырехсот лет, основать самостоятельную духовную жизнь, связанную с исконными национальными традициями, и в то же время вобрать, освоить и переварить в собственной форме европейские культурные ценности.

Интерес к отечественной истории, народной жизни и ландшафту прочно установился в литературе страны еще начиная с 1770-х гг. и особенно усилился после 1814 г. Одним из кардинальных вопросов явился вопрос о языке. Уже в первой четверти XIX в. была начата так называемая «норвегизация» датского литературного языка, приспособление его к современным норвежским реалиям. Параллельно этому было предпринято восстановление древнего национального языка на основе сохранившихся крестьянских диалектов. Разработанный крупным языковедом, фольклористом и поэтом Иваром Осеном (1813–1896), собирателем преданий, пословиц и поговорок, в 1863 г. язык получил название «лансмол» (*lansmål* — буквально «сельский», или «деревенский» язык) или «нюнорск» (*nynorsk* — «новонорвежский») в противовес официальному «риксмолу» (*riksmål* — «государственный») или «букмолу» (*bokmål* — «книжный» язык). Новонорвежский язык использовал в своей лирике и эссеистике поэт Осмунн Улафссон Винье (1818–1870), а в прозе — Арне Гарборг (1851–1924). В 1850-х гг. возник вековой спор между сторонниками и противниками лансмолы, не приведший к окончательному итогу вплоть до наших дней. Практически вся норвежская литература, созданная ее корифеями — Б. Бьёрнсоном, Х. Ибсеном, К. Гамсуном — на рубеже XIX–XX вв., написана на литературном норвежско-датском языке. В литературе XX в. различные писатели использовали обе формы языка.

Необыкновенный, не имевший равных в Европе литературный и культурный взлет в конце XIX в., осознание своей «норвежскости», имел свои предпосылки в социально-политическом и культурном развитии предшествующих десятилетий. Еще до начала XIX в. норвежский фольклор был практически неизвестен. Только в 1840-е гг. писатели, художники и ученые начинают усердно разыскивать и возрождать национальные ценности во всех областях культуры: живописи, музыке, историографии, филологии и литературе.

Возглавленное поэтом Ю. С. Вельхавеном (1807–1873) движение, нацеленное на усиление национального начала в литературе и культу-

ре страны путем обращения к фольклору и к изображению крестьянской жизни, получило название «национальная романтика» и нашло отражение также в музыке и живописи. Присущие ей определенные элементы внешней стилизации, ориентация на манеру народной песни и сказки, идеализированное изображение жизни крестьянства не преуменьшили ее чрезвычайно высокой роли в деле возрождения традиций норвежской народной культуры, собирания народных песен, сказаний и т. д. С национальным романтизмом были тесно связаны все норвежские писатели первой половины XIX в. Подлинным событием в культурной жизни явилось издание П. К. Асбьёрнсеном и П. Э. Му собрания норвежских народных сказок (1841–1844). В рамках национальной романтики развивалось раннее творчество Ибсена и Бьёрнсена, черпавших сюжеты из скандинавского прошлого и из крестьянской жизни. Пик деятельности национальной романтики приходится на вторую половину 1840-х гг.

Становление национальной норвежской литературы — заслуга поэта Х. А. Вергеланна (1808–1845). Значительна была и роль музыки Уле Булла и Эдварда Грига. Особенность норвежского романтизма объясняется его «запоздалостью» по сравнению с его скандинавскими соседями, с тем, что на него наслаивались более поздние, постромантические и отчасти реалистические черты.

Национальное начало в его различных проявлениях — воссоздании древнего прошлого, истории страны, сельского, крестьянского быта и традиций, родной природы — нашло достойное отражение в прозе, поэзии, драматургии виднейших писателей рубежа XIX–XX вв., прежде всего ее «великой четверки» — Х. Ибсена, Б. Бьёрнсена, Ю. Ли и А. Гарборга. Тема глубоко своеобразной природы родного края, прежде всего Севера, заняла одно из центральных мест в раннем творчестве Кнута Гамсуна, в романах «Мистерии» (1892) и «Пан» (1894).

Лес, море и горы — три главных составляющих норвежского пейзажа, воплощающие неповторимый дух родины Гамсуна — то, что определяет отношение героя к своей стране, противостоя суетному, чуждому, враждебному городу.

Город, машинная цивилизация, индустриальный прогресс искажает человеческую натуру, лишает человека его естественных связей с природой, землей и трудом на земле. В последующие годы Гамсун настойчиво ищет гармоничного целостного героя, органически связанного с родной почвой, с корнями. Истинной ценностью, по убеждению писателя, обладают только те, кто ближе к первозданным истокам, к исконным мудростям земли, к патриархальным формам жизни. В одном из писем писатель признавался: «Я вышел из крестьян, и корни мои в земле, в крестьянском труде» [1, т. 4, с. 727]. Почвеннические убеждения Гамсуна наиболее последовательно и художественно

убедительно и органично раскрылись в его романе «Плоды земли» (1917) — «одном из самых монументальных эпических произведений мировой литературы двадцатого века» [1, т. 1, с. 33]. Фигура героя, Исаака, олицетворяет исконную силу и крепость, идеал норвежского крестьянина-труженика.

Проблемно-тематически с поздними произведениями Гамсуна соприкасается творчество его старшего современника Арне Гарборга (1851–1924), выходца из крестьянской среды в местности Йерен, на юго-западном побережье страны. Крестьянская тема занимает центральное место в романе Гарборга «Крестьяне-студенты», созданном еще в 1883 г., задолго до гамсуновского шедевра «Плоды земли», и под совершенно иным углом зрения. Большая часть сельской молодежи, тянущейся к столице, либо гибнет от голода и болезней, либо, столкнувшись с жестокой действительностью в надменном и бесчеловечном городе, духовно нищает, утрачивает свои крестьянские культурные корни, заражаясь презрением к крестьянину, его труду и языку, обычаям и традициям. Речь в романе идет, в сущности, о тлетворном влиянии капиталистического города на патриархальный уклад деревни, о распаде крестьянского хозяйства и в конечном счете о культурно-исторической проблеме норвежского национального самосознания. Сохранение национальной идентичности Гарборг хотел бы видеть в плодотворном сближении крестьян с городом, в просвещении крестьянина и его участии в городской культуре.

К 1890-м гг. творчество Гарборга постепенно сближается с характерными для эпохи как норвежской и скандинавской, так и всей западноевропейской культуры символистскими и неоромантическими тенденциями. Для Гарборга это означало обращение к национальному фольклору, к миру народной фантазии, сказочных мотивов и образов и религиозных верований. Интерес этот отразился в статьях «В защиту народных сказаний» и «Крестьянская культура» (обе 1891) и нашел воплощение в одном из самых оригинальных его творений — чем-то средним между лиро-эпической поэмой и циклом из 70 сюжетно взаимосвязанных стихотворений. Название его, «Haugtussa» (1895), можно приблизительно перевести как «Троллиха». Место действия населено фантастическими существами, воплощающими злые и темные силы, — троллями, колдунами, оборотнями и т. п. «Троллиха» повествует о вечной борьбе в душе человека между верой в Истину и Добро и происками Зла. Героиня Гислауг, прозванная Малюткой (Veslemøy) — живая, простая крестьянская девушка, обладающая незаурядными способностями, к тому же лучшая рассказчица сказок, преданий, легенд. На ее долю выпадает множество тяжелых испытаний, искушений и соблазнов, чтобы в конце победить в нелегкой борьбе со Злом и обрести Истину. В светлом образе Гисла-

уг Гарборг стремился воплотить то здоровое и исконно нравственное в норвежском народном сознании, что позволяет человеку противостоять злу и всяческим жизненным испытаниям. В фигуре Малютки Гислауг можно найти черты, роднящие ее со многими поэтическими образами юных народных героинь: с Сольвейг из «Пера Гюнта» Ибсена, с Черсти из сказочной пьесы-баллады «Невеста» Стриндберга, с Раутенделейн из «Потонувшего колокола» Гауптмана.

Образованное в X в. единое Датское королевство, начиная с конца XIV и вплоть до XVII в., когда в Дании утвердился абсолютизм, объединяло под своей властью весь Скандинавский регион включая Норвегию и Швецию. Датско-шведские войны XVII в. за господство над Балтикой привели в итоге к поражению Дании и закату ее прежнего величия в начале XIX в., когда Дания, участвовавшая в наполеоновских войнах на стороне Франции, потеряла и Норвегию. Тем не менее сама мысль о былом единстве трех скандинавских стран продолжала жить в общественном сознании или подсознании скандинавов в таких формах, как йётицизм (готицизм) и скандинавизм. В XVI — первой половине XVII вв. эпоха Реформации явилась важной и крайне противоречивой эпохой внутреннего или же межгосударственного сплочения и утверждения единства скандинавских стран. С этим связан и «йётицизм» (по названию древнескандинавского племени «йёттов», традиционно почитавшихся родоначальниками народов скандинавского Севера), которому в эпоху шведского Великодержавия отводилась роль государственной идеологии.

Скандинавизм получил распространение в первой трети — середине XIX в., когда появилась надежда, что двойная монархия, Шведско-Норвежская уния, вскоре расширится и превратится в северное государство, включающее и Данию. Рождение скандинавизма обычно относят к 1829 г. В 40–50-е гг. XIX в. движение скандинавизма захватило прежде всего студенческие и либеральные круги Дании и Швеции — Копенгагена и шведских университетских центров Упсалы и Лунда. Своей высшей точки движение достигло около 1857 г. Проблемы датского самосознания нашли наиболее яркое отражение в романтизме Эленшлегера, который открыл для современников национальное средневековье и датский фольклор и придал ему национальное направление в исторических трагедиях «Хакон Ярл», «Пальнатоке» (обе 1807) и др., в которых в универсальной, обобщенной форме разрабатывал конфликты между язычеством и христианством, принципами народовластия и королевской властью. Скандинавской древностью был захвачен и Н. Ф. С. Грундтвиг (1783–1872), поставивший перед собой особую задачу синтезировать христианство с исконными древнегерманскими традициями — народными добродетелями, хранителем которых он считал крестьянство. С. Кьер-

кегор (1813–1855) в своем бескомпромиссном требовании истины, на религиозно-этической основе решительно отвергал романтически безответственное отношение к жизни. В стремлении обнажить самую глубину человеческого сознания он радикально пересмотрел самые основы бытия.

Исторические судьбы Дании, углубленно, по-новому отразившиеся в ее литературе рубежа XIX–XX вв., получили особенно глубокое воплощение в творчестве Йоханнеса В. Йенсена (1873–1950). Главные его произведения посвящены разностороннему исследованию насущных проблем датского национального самосознания. В историческом романе «Падение короля» (1900–1901) Йенсен поставил перед собой задачу философски осмыслить причины, приведшие к тому, что Дания, некогда господствовавшая над всей Скандинавией, утратила свое былое могущество. Писатель позднее, в 1942 г., назвал свой роман попыткой объяснить, как случилось, что «мы из государства крупных масштабов опустили до уровня маленькой страны» (Цит. по: [2, с. 7]). В «Падении короля» воссозданы исторические события конца XV – первой половины XVI в., когда король Кристиан II в своей внешней политике боролся за восстановление Кальмарской унии 1397 г., согласно которой власть датских королей распространялась на всю Скандинавию, и стремился прежде всего сломить сопротивление Швеции, добившейся известной самостоятельности. В результате победы коронованный как король Швеции, он устроил жестокую расправу над сотней шведских дворян (так называемая «Стокгольмская кровавая баня»). Развернувшееся в Швеции освободительное движение завершилось в 1523 г. окончательным ее отделением от Дании. Последующие события (мятеж датских феодалов и др.) приводят короля к бегству, плену и пожизненному заточению. Причины краха мечты Кристиана II объединить северные страны в единое великое государство коренятся в его неоправданных насильственных методах, внутренней противоречивости и непоследовательности, в его несостоятельности как главы государства. Поражение короля явилось началом последующего упадка Дании. Пессимистическая трактовка исторических судеб Дании и ее народа в «Падении короля» отразила кризисное состояние общества, настроения, владевшие многими скандинавскими писателями, которым в конце XIX в. отдал известную дань и Йенсен. В поисках выхода Йенсен обращается к своим родным местам, к крестьянскому миру родной Ютландии, сельской области Дании, мало затронутой современной цивилизацией. По мнению Йенсена, процесс духовного измельчания нации в наименьшей степени затронул ютландское крестьянство, в котором писатель находит сохранившиеся черты, исконно присущие датскому народу. Здесь на пороге XX в. возникло новое литературное

движение — так называемая «ютландская школа», явление сугубо датское, выросшее на чисто национальной почве, созданное выходцами из деревни, ощущающими свою кровную связь с традиционной народной крестьянской культурой. Наиболее крупные писатели этого круга — Якоб Кнудсен и Йеппе Окьер.

На рубеже XIX–XX вв. Йенсен создает три сборника рассказов, позднее составивших большой цикл «Химмерландских историй». В основу этих разнообразных по характеру, по манере изложения и интонации историй легли воспоминания о годах детства и юности писателя в родной сельской местности, о поездках по окружающим хуторам, семейные предания и рассказы, услышанные от местных жителей. Воссоздавая достоверную картину условий существования людей, Йенсен изображает натуры, судьбы и драмы из крестьянской жизни старой Ютландии. Его герои, как правило, необычайно яркие и богатые натуры, незаурядные и глубоко индивидуальные, своенравные и упрямые, с сильным характером, огромной жизнестойкостью и врожденным чувством собственного достоинства; они хранители национального духа. В своих историях Йенсен запечатлел совершенно особый, своеобразный мир человеческих взаимоотношений, уходящего в прошлое жизненного уклада, быта, образа мышления, со специфическими нормами морали, неписаными законами, предрасудками и образом мышления. Присущую этому миру внутреннюю духовную силу Йенсен стремится пробудить в современных датчанах и надеется обнаружить сохраненной в северной крестьянской культуре, особенно в своей родной местности Химмерланде, в Ютландии. В своей совокупности эти разнообразные истории с их обстоятельной, но сдержанной манерой повествования, с точностью бытовых деталей в досконально знакомой писателю среде, с убедительной психологической характеристикой персонажей, с мастерским владением формой устного рассказа и связью с фольклорной основой, народной сказкой образуют широкую эпическую панораму.

Герои «Химмерландских историй» верны не «долгу», а своей непреложной, неосознанной внутренней сущности, унаследованной от далеких предков и сохраненной через поколения и века в коллективном бессознательном. В случае с Йенсеном это органически присущие ему жизнестойкость духа, природный оптимизм, неистребимая вера в жизнь.

Если в творческой эволюции Йенсена просматриваются две стадии становления национального самосознания, отчасти хронологически перекрывающие друг друга, то на позднейшей стадии, в начале XX в., у него начинает складываться гораздо более широкая масштабная концепция. Связанная с особенностями и судьбами «готической расы» — северных народов, происходящих от древних

готов¹, которые на бессознательном уровне, в коллективной памяти сохранили воспоминания о жестоких испытаниях в борьбе с суровой природой. Отсюда определяющие свойства их потомков в сравнении с обитателями Южной Европы: жизненная стойкость, упорство в достижении цели, извечная тяга к неизведанному, новому, стремление к странствиям, научный и технический поиск. Слабости, «бескровию» духовной жизни современной Дании Йенсен в сборнике эссе «Готический Ренессанс» (1901) противопоставляет активность людей практического действия, «гóтов», — мысли, позднее развитые в сборниках «Новый мир» (1907) и «Северный дух» (1911). В эти годы зарождался и углублялся интерес Йенсена к историческому и доисторическому прошлому Скандинавии. Вера в учение о развитии и прогрессе и в значение северных народов для культуры лежит в основе его грандиозного замысла обширного цикла романов нового типа, где доисторические времена силой естественнонаучного взгляда и поэтической фантазии обретают жизнь. С целью исследования предыстории современной европейской цивилизации, процесса развития «готической расы» Йенсен изучал многочисленные труды историков и археологов, этнографов и антропологов, использовал мотивы и образы языческой мифологии и древнескандинавской литературы, а также материалы собственных наблюдений, почерпнутых во время путешествий. Нелишне упомянуть, что впоследствии он перевел такие важные древние памятники, как «Сага об Эгиле» и труд Снорри Стурлусона «Круг земной».

Работа над эпопеей, объединившей шесть романов и получившей впоследствии общее название «Долгий путь», длилась с начала XX в. и заняла более десяти лет. В совокупности она охватывает события от доледникового периода до начала XVI в. Концепция Йенсена, лежащая в основе его цикла, покоится на представлении, что человек впервые появился в тропических лесах, некогда покрывавших Скандинавский полуостров. В результате наступления ледников и великого оледенения человеческое племя разделилось на тех, кто бежал от холода на юг, и тех, кто остался и бросил вызов грозным силам природы и сумел выстоять в новых неизмеримо более тяжелых условиях. Потомки этой героической ветви сохранили в коллективной памяти, в крови тоску по утраченной благодатной земле, неосознанную тягу к неизведанному и при этом жизненную стойкость. Их-то Йенсен и относит к «готической расе».

В первом по времени написания романе цикла, «Ледник», вышедшем в 1908 г., главная мысль состоит, во-первых, в том, что холод и тяжелые условия жизни создают у северян преимущество, принуждая к дисциплине и изобретательству, и, во-вторых, рождают

¹ В шведском варианте — «йётов».

особый северный склад ума, тягу к дальним краям, неясную память об утраченной земле до ледового периода. Это определяет дальнейшие события цикла, картины борьбы первобытных людей с силами природы, зарождение религиозных языческих культов, завоевательные походы викингов в Нормандию и Средиземное море (в романе «Корабль»). Завершающий эпизод эпопеи, запечатленный в романе «Христофор Колумб», — открытие Нового Света. Тем самым замыкается круг между Химмерландом и Америкой, между мощью древнего Севера и современной Америкой, веком технической цивилизации. Не случайно Йенсен склонен причислить Колумба, а также Дарвина к потомкам готов. Северное происхождение Колумба писатель объясняет, основываясь на описаниях его внешности, а главное, на его одержимости, мечте открыть утраченную землю.

Знаменательно и вполне закономерно, что главных героев цикла писатель наделяет теми же основными чертами, которые он подчеркивал у персонажей «Химмерландских историй», — той же силой духа, смелостью и выносливостью, настойчивостью в достижении цели. Многие образы и мотивы заимствованы из мифологии и древних сказаний. Так, Дренг, лишившийся глаза в схватке с медведем, ассоциируется с одноглазым Одином, верховным богом скандинавского пантеона, а Видбьёрн, носящийся по степи на огненной колеснице, — с громовержцем Тором. Характерная особенность цикла — полное отсутствие диалога, прямой речи. Этим подчеркивается стремление к максимальной объективности повествования и связь с традицией древнеисландской саги, в которой внутренний мир, душевные переживания персонажей раскрываются только в их действиях и поступках, иногда в косвенной речи. Йенсен так суммирует основную мысль своего труда: «“Долгий путь” — это широкая дорога сквозь время и историю, по которой народы двигались к прогрессу и к миру» (Цит. по: [3, с. 9]). Развитие человечества Йенсен видит как поступательное движение к большей гуманности, «от ужаса к радости» [4, s. 58], противопоставляя хищнической морали и жажде власти созидательные и творческие качества человека.

Единое королевство в Швеции было образовано в XI в. В XII–XIV вв. оно присоединило к себе Финляндию и сохраняло свою независимость до 1397 г., когда по Кальмарской унии попало в подчинение Дании. Окончательное освобождение и объединение страны было достигнуто в 1523 г. при короле-объединителе Густаве Васе.

С середины XVI в. и особенно в XVII в., при короле Густаве II Адольфе, Швеция, благодаря многочисленным войнам за господство над Балтикой, превращается в одно из самых могущественных и влиятельных государств в Европе. Наступившая так называемая эпоха Великодержавия характеризовалась значительным вкладом в наци-

ональную культуру, решительным поворотом и началом непрерывной в дальнейшем отечественной литературной традиции. Усиление связей с европейским Возрождением и гуманизмом отчасти уравновешивалось утверждением шведского своеобразия и национальной идентификации. Роль государственной идеологии отводится «йётицизму» (готицизму). Наиболее ярко это выразилось в гигантском причудливо-фантастическом сочинении Улофа Рудбека (1630–1702) «Атлантика, или Манхейм»² (1679), в котором автор трактует платоновский миф об Атлантиде, которая, по его представлению, располагалась на территории Швеции как прародине северных народов и в конечном счете всего человечества, Фантастические представления учеников Рудбека преобладали в официальной шведской историографии вплоть до первой половины XVIII в. В то же время эпоха Великодержавия стала также временем пробуждения живого интереса к богатому шведскому фольклору — средневековым балладам, преданиям и сказкам.

Йётицизм, но уже в форме возрождения подлинных древнескандинавских тем и мотивов, отозвался в конце XVIII — начале XIX вв. в шведском предромантизме (в «Песнях в готском духе» Т. Турильда) и романтизме, в так называемой «йётской школе» (в поэзии ее вождя Э. Г. Гейера и в «Саге о Фритьофе» Э. Тегнёра, воспринятой как своего рода шведский национальный эпос).

В XIX в. интерес к прошлому Швеции, к корням и истокам, к истории, вера в историю и потребность в историческом повествовании нашли продолжение в гигантском сочинении «Рассказы из шведской истории» в сорока шести томах, которые в течение более пятидесяти лет, с 1823 по 1879 г., издавал писатель и педагог-просветитель Андерс Фрюксёлль. В своих «Рассказах» он искусно сочетал простоту и лаконичность стиля, занимательность, популярность и морализм со стремлением к истине, к фактической достоверности.

Пристальный интерес к истории, культуре и фольклору на рубеже XIX–XX вв. стоял в центре внимания широкого культурного и литературного движения 1890-х гг., получившего соответственно название «90-е годы» (90-tal). Родоначальник, идейный вдохновитель и вождь движения, Вернер фон Хейденстам (1859–1940), в эстетическом манифесте с красноречивым названием «Ренессанс» (1891), наряду с лозунгами «радости жизни», индивидуализма и культа прекрасного, настойчиво выдвигал на первый план требование внимания к национальным истокам и особенностям, подчеркивая понятие «национально-исторический момент» [5, с. 73]. Сам Хейденстам начинал с неосознанной привязанности к дому детства, к шведской усадьбе в местности Тиведен на берегу озера Веттерн с его живопис-

² Manheim — буквально «родина человечества».

ной природой, чтобы затем постепенно эволюционировать к осознанному стремлению занять место национального скальда и воспеть прошлое величие Швеции и ее выдающихся вождей и героев. Это нашло программное выражение в его поэтическом цикле «Народ» (1899).

В собственном позднем творчестве Хейденстама национально-патриотическая тема занимает главенствующее место. Масштабный двухтомный цикл рассказов «Воины Карла XII» (1897–1898) не только и даже не столько является возвеличением короля-воина, полководца Карла, сколько произведением об исторических судьбах шведского народа, простых воинов в годину бедствий и поражений. 1900-е гг. Хейденстам почти полностью посвящает исторической прозе, в которой любовно выписывает красочные живописные картины и детали шведского Средневековья. В «Паломничестве святой Биргитты» (1901) Хейденстам воссоздает образ одной из примечательнейших фигур шведской средневековой религиозной и церковной истории — суровой и неумолимой в своем требовании праведной жизни. Диалогия «Древо Фолькунгов» (1905–1907) посвящена становлению шведской королевской династии в XI в. Более популярный характер носит его школьная книга для чтения «Шведы и их вожди» (1908–1910).

Патриотическая тенденция приобрела в Швеции на рубеже веков общекультурный размах. В творчестве Густава Фрëдинга (1860–1911) и Эрика Акселя Карлфельдта (1864–1931) ведущее место заняли тема старой патриархальной деревни, изображение родной первозданной природы — равнинного сельского пейзажа, сравнительно мало затронутого наступающей технической цивилизацией. Характерные черты поэзии «90-х» — влияние фольклора, народной поэзии и самый дух народности, а также обращение к памятникам древней и средневековой скандинавской культуры. Всё это принесло поэзии «90-х» заслуженную славу «второго золотого века шведской поэзии». Целую плеяду первоклассных художников-пейзажистов выдвинуло изобразительное искусство Швеции: Карла Ларссона (1853–1919), Андерса Цорна (1860–1920), анималиста Бруно Лильефорса (1860–1939), принца Евгения (1865–1947) и др.

Для многих деятелей движения «90-х» природа воспринимается не только как место труда или созерцания, но и как пространство, где человек включен в общий круговорот бытия. В условиях бурной индустриализации и урбанизации в конце XIX в. стремление сохранить память о прошлом и его материальные, вещественные следы, сохранить исчезающие памятники сельской природы и культуры нашло в Швеции живое воплощение в уникальном природно-хозяйственном музейном комплексе под открытым небом, основанном Артуром Хаселиусом и открывшемся в Стокгольме 11 октября 1891 г. и получив-

шем название «Скансен» (*Skansen*)³. Год его открытия символично совпал с началом литературного движения «90-х годов». Скансен стал подлинным символом страны.

Территория Скансена в настоящее время занимает приблизительно 30 га и вмещает около ста сорока различных строений из Скандинавии, в том числе из большинства шведских местностей — изб и дворов, окруженных природной средой, растительностью, соответствующей области их обитания. Одно из древнейших строений было построено в начале XIV в. в Телемаркене (Норвегия). Особо выделены лапландский лагерь, а также городской квартал, воспроизводящий небольшой город XIX в. с почтой, аптекой, магазинами, мастерскими, церковью и т. д.

Работу Скансена финансировал крупнейший в Швеции музей истории культуры, также основанный А. Хаселиусом, — Северный музей (*Nordiska museet*), учреждением которого является Скансен. Задача музея, коллекция которого насчитывает более полутора миллионов единиц хранения, — сохранять и оживлять память о жизни и труде с XVI в. до наших дней. Провозглашенный Хаселиусом девиз «Познай самого себя» стал логотипом, отвечающим идее национального самосознания. При собирании экспонатов требовалось тщательно указывать все необходимые сведения об их происхождении, возрасте, применении, а также диалектных наименованиях и т. д.

Истоки творчества Сельмы Лагерлёф (1858–1940) — крупнейшего прозаика шведских «90-х» — коренятся в фольклоре, сказках и преданиях, обычаях и верованиях, легендах и родовых хрониках ее родной провинции Вермланда. Почти всё созданное писательницей так или иначе связано с воссозданием ее прошлого. Дилогия «Иерусалим» (1901–1902), обычно характеризуемая как «крестьянский эпос, или миф», — произведение о старой шведской деревне, с эпическими картинами естественного годового ритма жизни и труда старинного крестьянского рода Ингмаров, самостоятельных и трудолюбивых, честных и морально твердых, прочно сросшихся со своей местностью и двором, верных вековым традициям — отношению к земле как жизненному призванию. В течение веков Ингмары занимали место самого могущественного, богатого и уважаемого рода в своей волости, где двор переходил по наследству от отца к сыну. Местом действия Лагерлёф выбрала не Вермланд, а провинцию Даларна, куда она переехала в 1897 г. отчасти потому, что эта местность в ту пору была признанным центром народного искусства и народных преданий и считалась «самой шведской из всех шведских» [6, с. 54].

³ Skans — по-шведски «укрепление». Название происходит от укрепления, которое король Карл XIV Юхан велел построить для игр своего сына, будущего короля Оскара I.

Время серьезного кризиса 1880-х гг. породило в стране настроения неуверенности, недовольства, конфликтов. Стоящий в фокусе повествования Ингмар-сын, который должен стать наследником, управлять патриархальным хозяйством и вести дальше дело клана, молод и нерешителен. Колебания в выборе между верностью земле, почве и иными, более широкими путями приводят к тому, что он утрачивает право на свое законное наследство. Накопленное веками наследство распродается на аукционе. После длительной череды странствий и тяжелых испытаний и неудач возмужавший Ингмар возвращается на родину с целью исправить и искупить совершенные им ошибки. Всё пережитое приводит Ингмара к закономерному выводу: человек обязан трудиться и восстанавливать всё разрушенное заново. Роман завершается апофеозом дома, почвы как оплота надежности и веры в будущее. Отличающие эпос Лагерлёф монументальная простота и сдержанность стиля сближают его с традициями исландской саги и творчества Б. Бьёрсона.

Чувство почвы и бегство — альтернатива, стоящая также перед героями «Иерусалима», остается важной проблемой в книге совершенно иного плана — «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» (1906–1907), книге о родной стране для чтения в народной школе. Писательница поставила перед собой задачу рассказать о природе родной страны и занятиях жителей, о населенных пунктах, растениях и животных, дополнив это сказками и народными преданиями, но строго придерживаться фактов, изображать «жизнь в руднике, в лесу, в финских и лапландских поселениях, на рыбной ловле и охоте, на лесосплаве и в крестьянских домах и, почему бы и нет, на фабриках и в городе» [6, с. 69], описать и места, представляющие исторический интерес, и такие, «где богато и мощно расцветает современная жизнь» [6, с. 69]. Но ей было недостаточно ограничиться отдельными местностями или провинциями. Стремясь к цельности и обобщению, она неожиданно приходит к идее птичьей перспективы, заключавшейся в полете малыша на гусе, рассказывающего о своих впечатлениях. Главная задача школьной книги заключалась в том, чтобы «вселить жизнь в карту, наполнить ее лесами и озерами, полями и лугами, деревнями, замками, хуторами и городами, от Истада до Хапаранды» [6, с. 71].

Широкая перспектива, создаваемая мотивом полета, позволяла давать обобщенные картины местностей, но важны были и более мелкие, подробные изображения. Всегда живо интересовавшаяся историей страны, Лагерлёф стремилась углубить национальное сознание нового поколения также историческими экскурсами, соединяя при этом сказку или предание с фактическими сведениями о средневековом Висбю (или Карлскруне). Показательно, что обращаясь к исто-

рическим личностям, она останавливается не на воинственных королях-воинах, а на тех, кто способствовал мирному развитию страны.

Под пером писательницы школьная книга превратилась в подлинное художественное произведение со сказочным сюжетом о полете мальчика с дикими гусями. Но фантастическое путешествие с приключениями происходит в реальной Швеции. Сказка и действительность переплетаются и сплавляются в единый образ страны с ее природой и историей, повседневной жизнью и людьми. К познавательной и занимательной функции естественно прибавляется момент нравственного воспитания и перерождения поначалу ленивого и жестокого героя. Происходящие с ним злоключения — это и наказание, и искупление, и осознание своей сопричастности и любви к родной стране. «Удивительное путешествие» в большей степени, чем какая-либо другая шведская книга, воплотила образ родной страны в пору, когда подобных книг еще не было. Более того, благодаря именно этой книге, Швеция заняла достойное место на карте мира.

Август Стриндберг, находившийся в эти годы в добровольном изгнании, не имел возможности принимать непосредственное участие в литературной и культурной жизни страны и к тому же находился в идейной и художественной оппозиции к движению «90-х» и к Хейденстаму. Между тем он намного раньше, с первых шагов своего творческого пути обнаруживал углубленный интерес к национальной истории, в первую очередь к истории культуры. В особенности его привлекала малоизученная, скрытая жизнь простых людей, широких слоев шведского народа. Уже в 1880–1882 гг. он приступил к созданию большого культурно-исторического труда «Старый Стокгольм», в котором представил широкую панораму повседневной будничной жизни шведской столицы на протяжении последних шести столетий. Здесь нашли место сообщения об интересных архивных находках и написанные в живой свободной манере очерки, придающие работе красочность и увлекательность, — о быте горожан, праздновании Рождества и Пасхи, школах и пожарниках и т. д. В 1881 г. он параллельно приступил к еще более масштабному проекту «Шведский народ в праздники и будни, в дни войны и мира, дома и на чужбине, или Тысяча лет истории шведского образования и нравов». Объемом около тысячи страниц крупного формата, богато иллюстрированный прославленным художником Карлом Ларссоном, этот труд стал по существу первой попыткой создать новую, подлинно народную шведскую историографию и впервые рассказать о жизни безвестных прежде слоев общества, например, мануфактурных рабочих XVII в. Своеобразной новеллистической параллелью к культурно-историческим работам Стриндберга явился его двухтомный сборник новелл «Шведские судьбы и приключения» (1882–1883), позднее продол-

женный им в сборнике «Новые шведские судьбы» (1906). Хотя исторические сюжеты книги отчасти служили облачением для постановки насущных современных проблем, но при этом писатель всегда придавал принципиальное значение тому, чтобы в красочных, живописных картинах и образах тщательно и достоверно воссоздавать атмосферу и характерные детали прошлого. При этом он оставался верен главному принципу изображения *народной* истории; его персонажи — простые горожане, ремесленники, крестьяне, монахи, художники.

По возвращении на родину на самом рубеже нового XX в. Стриндберг приступил к осуществлению нового грандиозного творческого замысла — представить в большом цикле драм основные вехи многовековой шведской истории с XIV до конца XVIII в. В осуществленных восьми так называемых «королевских драмах» Стриндберг, в свете обретенной им провиденциалистской философии истории, изложенной им в статье «Мистика мировой истории» (1903), очерчивает судьбы наиболее крупных шведских монархов — Густава Васы, Эрика XIV, Густава II Адольфа, Карла XII, королевы Кристины, Густава III — в их тесной связи и влиянии на судьбы страны. И здесь, находя в истории отражение современности, писатель сохраняет присутствующий ему живой интерес к воссозданию исторического колорита и атмосферы, подлинных живописных картин прошлого, особенно убедительно в полифонически выстроенных массовых народных сценах. В жанровом отношении первые драмы цикла — «Сага о Фолькунгах» и «Густав Васа» (оба 1899) — наиболее близки к историческим хроникам, в последующих — «Эрик XIV» (1899), «Кристина» (1904) и др. — интерес автора отчасти смещается к анализу личности героя, хроника обогащается чертами психологической драмы.

Драма «Густав Васа» — об одной из ключевых фигур в истории становления шведского государства, «строителе» и объединителе страны. Это — самая «шведская», самая национальная и народная из исторических драм Стриндберга и одна из наиболее художественно цельных и совершенных. Исторический Густав — единственный шведский монарх, вызывавший безраздельное восхищение Стриндберга. Его образ в драме поражает прежде всего своим величием, первозданной мощью природы в сочетании с ярким интеллектом. Создавая живой, многогранный, противоречивый характер своего героя, Стриндберг не скрывает, не затушевывает его недостатки, слабости, ошибки. Густав страшен в гневе, подозрителен, неразборчив в средствах при достижении своих целей. Силой своей личности он как своим сторонникам, так и противникам внушает страх, смешанный с восхищением, поскольку и те, и другие видят в нем некоего посланца свыше. По мнению его ближайшего сподвижника, Олауса Петри, Гу-

став — «посланец великого Господа, который призван собрать воедино шведских людей и зѐмли» [7, s. 284]. Внутренне Густав и сам разделяет эту веру в свое призвание и знает, что должен пожертвовать всем ради исполнения своей высокой миссии. Во всей галерее шведских монархов Густав Васа единственный действительно воплощает идею национального духа, мысль о национальной идентичности. Его фигура противостоит образу его сына, слабого, нервного, неустойчивого Эрика XIV и особенно прямого антипода Густаву, короля-воина Карла XII, ставшего впоследствии объектом национального культа. В глазах Стриндберга Карл — губитель, разоритель, разрушитель страны, самая одиозная фигура в шведской истории, вызывавшая его безусловное осуждение.

Драма «Густав Васа», как и предшествующая ей, открывающая цикл «Сага о Фолькунгах», примечательна также тем, что Стриндберг, пользуясь не столько историографическими трудами, сколько живыми рассказами Фрюкселля и такими источниками, как «Сказочные летописи» фольклориста А. Афцелиуса, которые считал «краугольными камнями древней шведской истории» [7, s. 273], наряду с историческими сведениями, щедро включал в эти драмы различные рассказы о народных повериях, фрагменты из песен Эдды и народные песни и сказки.

Глубокий интерес Стриндберга к национальному фольклору, к народно-поэтическим жанрам (сказке, песне, балладе), народным верованиям и обрядам отразился в двух его сказочных пьесах, созданных в 1901 г. В поисках сюжетов он обращается к авторитетным фольклорным сборникам; собранию шведских сказок А. Афцелиуса, к сборнику шведских баллад, составленному Афцелиусом совместно с Э. Г. Гейером. Он черпает вдохновение и в произведениях своих современников, в «Песнях Фридолина» Карлфельдта и знаменитой картине Э. Юсефсона «Водяной». В основу сюжета пьесы-баллады «Невеста» Стриндберг положил два распространенных фольклорных мотива: избавление от тайно рожденного ребенка и вражда между двумя крестьянскими родами. Драма пронизана атмосферой народных сказок, преданий, суеверий, в ней действуют сверхъестественные существа, злые силы, неодушевленные предметы. Бурные события драмы обрамляет щемящая, тоскливая песня Водяного, сочиненная самим драматургом.

В драматической сказке «Белая Лебедь» царит необыкновенно светлая, гармоничная, изысканная атмосфера средневекового замка, отчасти, по признанию автора, навеянная пьесами Метерлинка, у которого, однако, «нельзя ни украсть, ни заимствовать <...> но он может побудить к поиску золота в собственных завалах» [4], т. е. обратиться к национальной сокровищнице, к средневековой рыцарской

поэме, балладам и сказкам в упомянутых выше сборниках Афцелиуса и Гейера, откуда он заимствовал мотив злой мачехи, строящей жестокие козни и интриги, чтобы разлучить двух молодых влюбленных — Принца и Белую Лебедь, силой любви преодолевающих все препятствия. Духу народной поэзии отвечает поэтически возвышенный язык, диалог, с характерными стилизованными оборотами. Обращение к национальным корням, сохранившимся в скандинавских странах к концу XIX в., способствовало мощному общекультурному и литературному подъему, ярче всего обозначившемуся в Норвегии, но захватившему и ее более благополучных с точки зрения исторических судеб соседей — Данию и Швецию. Свою роль в этом процессе сыграло осознание древнескандинавской общности этих трех стран. Характерно, что этот культурно-литературный процесс протекал параллельно с казалось бы противоположными тенденциями и явлениями — ощутимым ростом на рубеже веков культурных связей и взаимовлияний Скандинавии с «большими» европейскими странами — Германией, Францией, Англией и Россией. Но именно благодаря этому сочетанию скандинавская культура сумела, как никогда прежде, преодолеть предшествующие черты провинциализма и изоляционизма, заявить о себе как явлении общеевропейского уровня и масштаба со своими национальными особенностями и в значительной мере сохранить это положение в XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гамсун К. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1991–1996.
- 2 Куприянова И. Предисловие // Йенсен Й. В. Долгий путь / пер. с дат. А. и М. Ганзен. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 5–15.
- 3 Куприянова И. Предисловие // Йенсен Й. Избранное / пер. с дат. Л.: Худож. лит. 1989. С. 5–14.
- 4 Brøndsted M. og Møller Kristensen S. Danmarks litteratur. Bd. 2 — Fra 1870 til nutiden. København: Gyldendal, 1972. 339 s.
- 5 Den storsvenska generationen: 1890–1920. Red. L. Lönnroth, S. Delblanc. Stockholm: Bonnier Fakta Bokförlag, 1993. 300 s. (Den svenska litteraturen. IV).
- 6 Edström V. Selma Lagerlöf. Stockholm: Natur och kultur, 2003. 185 s.
- 7 Lamm M. August Strindberg. Stockholm: Bokförlaget Albert Bonnier, 1961. 450 s.
- 8 Strindberg A. Samlade skrifter. Stockholm: Bonnier, 1913. Vol. XIV. 447 s.

REFERENCES

- 1 Gamsun K. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collection of works in 6 volumes]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1991–1996.
- 2 Kupriianova I. Predislovie [Introduction] // Iensen I. V. *Dolgi put'* / per. s dat. A. i M. Ganzen [Long way; trans. from Danish]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994, pp. 5–15.

3 Kupriianova I. Predislovie // Iensen I. *Izbrannoe* / per. s dat [Selected works; trans. from Danish]. Leningrad, Khudozh. Lit. Publ., 1989, pp. 5–14.

4 Brøndsted M. og Møller Kristensen S. *Danmarks litteratur*. Bd.2 – Fra 1870 til nutiden. København, Gyldendal, 1972. 339 s.

5 *Den storsvenska generationen: 1890–1920*. Red. L. Lönnroth, S. Delblanc. Stockholm, Bonnier Fakta Bokförlag, 1993. 300 s. (Den svenska litteraturen. IV).

6 Edström V. *Selma Lagerlöf*. Stockholm, Natur och kultur, 2003. 185 s.

7 Lamm M. *August Strindberg*. Stockholm, Bokförlaget Albert Bonnier, 1961. 450 s.

8 Strindberg A. *Samlade skrifter*. Stockholm, Bonnier, 1913. Vol. XIV. 447 s.